

Научная статья

УДК 343.85:159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Екатерина Ивановна Ильянкoва¹, Александр Владимирович Морозов²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, ekaterinapogodina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6067-5857>

² НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, doc_morozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0516-0356>

Аннотация. В статье анализируется отечественный и зарубежный опыт по проблеме вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Приводятся внешние и внутренние факторы, влияющие на совершение преступлений несовершеннолетними. Эмпирическая часть исследования представлена результатами контент-анализа судебных решений в отношении несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений, вынесенных в период с 2015 по 2022 год; психодиагностического обследования несовершеннолетних. Делается вывод о том, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления осуществляется посредством активных действий, направленных на формирование у него желания совершить общественно опасное деяние. Эти действия включают в себя различные формы психологического воздействия, избираемые дееспособным лицом в зависимости от личностных особенностей несовершеннолетних. Вовлечение в преступную деятельность связано с такими личностными особенностями несовершеннолетних, как отрицание общепринятых норм и правил, решительность, высокий волевой контроль, выраженная склонность к автономии и низкая потребность в одобрении общества, оторванность от реальности, ощущение одиночества.

Ключевые слова: личность, личностные особенности, несовершеннолетний правонарушитель, вовлечение в преступную деятельность, уязвимость, влияние

Для цитирования

Ильянкoва Е. И., Морозов А. В. Личностные особенности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 630–646. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646.

Original article

PERSONAL CHARACTERISTICS OF MINORS INVOLVED IN THE COMMISSION OF A CRIME

Ekaterina Ivanovna Il'jankova¹, Aleksandr Vladimirovich Morozov²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, ekaterinapogodina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6067-5857>

² Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, doc_morozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0516-0356>

Abstract. The article analyzes domestic and foreign experience on the problem of involving minors in the commission of crimes. The external and internal factors influencing the commission of crimes by minors are given. The empirical part of the study is presented by the results of content analysis of court decisions concerning minors involved in the commission of crimes committed in the period from 2015 to 2022; psychodiagnostic examination of minors. The authors come to the conclusion that the involvement of a minor in the commission of a crime is carried out through active actions aimed at forming his desire to commit a socially dangerous act. These actions include various forms of psychological influence, chosen by a capable person depending on the personal characteristics of minors. Involvement in criminal activity is associated with such personal characteristics of minors as denial of generally accepted norms and rules, determination, high volitional control, a pronounced tendency to autonomy and a low need for the approval of society, isolation from reality, a sense of loneliness.

Keywords: personality, personality traits, juvenile delinquent, involvement in criminal activity, vulnerability, influence

For citation

Il'jankova, E. I. & Morozov, A. V. 2023, 'Personal characteristics of minors involved in the commission of a crime', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 630–646 doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646.

Проблема преступности несовершеннолетних не теряет своей актуальности и выступает в качестве предмета психологических, социологических, педагогических и юридических исследований. Возрастные особенности несовершеннолетних обуславливают их уязвимость, под которой понимается подверженность воздействию, базирующаяся при определенном сочетании индивидуально-психологических особенностей личности: неустоявшаяся психика; трансформация мотивационной структуры; несформированность системы ценностей; низкие адаптивные возможности.

Социальная и психологическая незрелость вызывает состояние зависимости, которое под воздействием неблагоприятных внешних и внутренних факторов может выражаться в различных формах криминального участия [24]. Фокус нашего внимания направлен на выявление личностных особенностей несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность, а также психологических аспектов влияния преступного воздействия взрослых на личность несовершеннолетних.

Для выявления психологических аспектов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность необходимо рассмотреть правовую основу данного явления. Формирование правового сознания несовершеннолетнего происходит в ситуации трансформации общепринятых ценностей [12], осложнения социально-экономических и политических условий общественного развития, в результате чего происходит отстранение от следования общепринятым институтам общества (семья, школа и т. д.), что обуславливает расширение границ воздействия негативных явлений на развивающуюся личность.

Недостаточная эффективность мер, принимаемых обществом и государством по противодействию преступности несовершеннолетних, подтверждается статистическими показателями. Так, за 2022 г. среди выявленных лиц, совершивших преступления, доля несовершеннолетних преступников составила 3,2 % (26 305 чел.). В составе группы несовершеннолетних совершили 44,7 % (11 758) выявленных преступлений. Для сравнения, применительно к общей преступности доля групповых преступлений составляет 12,4 %. Число установленных фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 150 УК РФ) составило 1237¹.

Понятие «вовлечение в преступную деятельность» не раскрывается в нормативных актах в содержательном аспекте – законодателем лишь устанавливаются способы его совершения: обещание, обман, угроза или иное, что находит отражение в дефиниции ч. 1 ст. 150 УК РФ [6]. Вместе с тем именно юридически верное толкование данного понятия и обозначение его признаков позволили бы выработать единый подход к его применению на практике. В. М. Лебедевым под вовлечением в преступную деятельность понимаются активные действия дееспособного лица, заключающиеся в формировании у несовершеннолетнего желания совершить или принять участие в совершении преступления [8]. Пробуждение данного желания осуществляется посредством психологического воздействия, которое может быть реализовано в кратковременном или пролонгированном аспекте. Умысел при вовлечении всегда прямой и выражается в активных действиях по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления.

Проведенный нами анализ 839 судебных решений по уголовным делам о преступлениях, возбужденных по ст. 150 УК РФ, вынесенных в период с 2015 по 2022 год, показал, что несовершеннолетние вовлекаются в совершение преступлений, предусмотренных:

- ст. 228 УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов...») – 41 %;
- ст. 158 УК РФ («Кража») – 39 %;
- ст. 161 УК РФ («Грабеж») – 16 %;
- ст. 162 УК РФ («Разбой») – 16 %;
- ст. 131–135 УК РФ (преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности) – 1,4 %;
- ст. 105 УК РФ («Убийство») – 0,83 %.

Нередко несовершеннолетние вовлекаются в совершение одновременно нескольких преступлений. Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что значительная часть всех перечисленных преступлений (41 %), в которые вовлекаются несовершеннолетние, сосредоточены в сфере наркоторговли.

Преступники, вовлекая несовершеннолетних в совершение преступления, используют одновременно несколько способов воздействия:

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 13.02.2023).

- обман и злоупотребление доверием – 64 %;
- обещание – 48 %;
- угроза – 7 %;
- иные способы – 4 %.

Путем обещания несовершеннолетние вовлекаются в корыстные и корыстно-насильственные преступления, путем обмана и обещания – в преступления в сфере наркоторговли, путем угрозы – в причинение вреда здоровью, убийства и изнасилования.

87 % несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений, достигли возраста привлечения к уголовной ответственности (средний возраст составил $17 \pm 0,6$ лет). В совершение преступлений вовлекаются преимущественно лица мужского пола. Случаи вовлечения несовершеннолетних женского пола единичны (не более 4 %).

Следует отметить, что сложность доказывания, отсутствие свидетелей, противостояние объективному и справедливому расследованию со стороны подозреваемого способствуют уклонению от уголовной ответственности по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность. Обществом и государством вырабатывается система профилактических мер противодействия преступности несовершеннолетних, однако она в основном сосредоточена на устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предотвращении повторного совершения правонарушений со стороны лиц, состоящих на профилактическом контроле в ОВД, но во внешне благополучных семьях ситуация нередко выходит из-под контроля.

J. M. Hill, A. J. Blokland, V. R. Van der Geest уверены, что делинквентности способна противостоять именно высокая степень доверия в отношениях с родителями, но не демонстрируемая внешне благополучность семьи [26]. Э. В. Заурова отмечает, что общение несовершеннолетних осужденных женского пола с родителями было сведено к формальному, равнодушному или характеризовалось полным доверием: «Не исключено, что факт излишней автономности и послужил одной из причин преступления...» [4, с. 305].

Влияние родителей на формирование криминальной вовлеченности несовершеннолетних подчеркивается в ряде зарубежных исследований [23, 28]. Стоит отметить, что родительский фактор не оказывает непосредственного влияния на преступность среди несовершеннолетних, а является эффективным посредником. В соответствии с теорией дифференциальных ассоциаций ребенок с раннего возраста узнает, какие ценности, отношения, убеждения и поведение ценятся, а какие критикуются. Девиантное, благоприятствующее отклонениям и разрешающее отклонения от норм воспитание способно вызвать не только девиантное, но и делинквентное поведение у несовершеннолетних [11].

Всестороннее изучение феномена вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность требует рассмотрения психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей. Преступность несовершеннолетних – это составная часть преступности, однако она обладает специфическими особенностями, которые позволяют выделить ее в отдельный предмет исследования. Как отечественные, так и зарубежные исследователи практически единодушны в своем мнении о том, что преступность несовершеннолетних обусловлена взаимодействием внешних (кризис родительской семьи, социальное неравенство, социально-педагогическая некомпетентность взрослых, лояльность системы правосудия, несовершенство системы профилактики и др.) и внутренних (соматических, психофизиологических, психологических и социально-психологических) факторов [3, 22, 27].

Наличие невропатологических и патопсихологических симптомов (нарушение сна, речи, аффективность, повышенная тревожность), отставание в физическом развитии, дефекты внешнего вида, сниженный уровень интеллектуального развития детерминируют сложности в процессе обучения, взаимодействия со сверстниками и педагогами, что, в свою очередь, затрудняет приобретение социального опыта [7]. Чаще всего несовершеннолетний правонарушитель характеризуется устойчивыми привычками, склонностями и стереотипами антисоциального поведения:

- открытое пренебрежение социальными нормами (использование нецензурной лексики в речи, распитие спиртосодержащих напитков в общественных местах, некорректное поведение в отношении граждан, повреждение общественного имущества);
- различные формы аддиктивного поведения (алкогольная, никотиновая, наркотическая зависимость, пристрастие к азартным играм);
- бродяжничество, систематические побеги из дома, учебно-воспитательных и иных учреждений;
- раннее вступление в сексуальные отношения, сексуальная распушенность;
- типичные негативные эмоциональные проявления: злобность, мстительность, грубость, насилие в отношении других;
- открытое противостояние требованиям родителей, регулярные ссоры в семье;
- демонстрация испытываемой враждебности по отношению к просоциальным группам несовершеннолетних (отличникам, представителям патриотических и иных объединений) [8].

Говоря об эмоционально-волевой сфере личности несовершеннолетних правонарушителей, следует отметить недостаточность развития таких личностных ресурсов, как эмпатия, сензитивность. Напротив, достаточно высоки показатели импульсивности, агрессивности, аффективности. Наблюдается эмоциональная холодность, эмоциональная ригидность, явления эмоциональной «тупости».

Снижен эмоционально-волевой компонент поведения. Теория социального контроля и ее версии (теория социальной связи, теория самоконтроля и возрастная теория неформального социального контроля) основываются на принципе, что общество как фактор окружающей среды обязывает людей соблюдать нормы и практиковать самоконтроль. При этом недостаточный самоконтроль связан с поведенческими и импульсивными проблемами, включая наркоманию, токсикоманию, насильственное поведение, преступность, сексуально-импульсивное поведение. Социальные связи в соответствии с положениями теории социального контроля направляют поведение индивида, сдерживая его импульсивные и девиантные побуждения. В качестве значимых аспектов и условий социальных связей несовершеннолетних выделяют привязанность к родительской семье, ее стабильность и благополучие, занятие на досуге какой-либо деятельностью совместно с детским коллективом и т. д. Деформация социальной привязанности обуславливает рост вероятности девиантных проявлений.

Преступное и девиантное поведение может быть объяснено низким уровнем самоконтроля. Согласно этой теории высокий уровень самоконтроля делает человека в меньшей мере склонным к совершению преступных действий, в то время как низкий уровень самоконтроля является причиной преступного поведения. Несовершеннолетние с низким уровнем самоконтроля склонны привносить свою преступную тенденцию во взрослую жизнь. Основными отличительными чертами, которые предрасполагают их к преступному поведению, являются импульсивность и нежелание учитывать последствия совершенного преступления [25].

Несмотря на разносторонность личностных особенностей несовершеннолетних (что следует учитывать при любом противодействии преступности среди несовершеннолетних), существуют типы несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений. Н. П. Яблоков выделяет три типа несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления:

- ситуативный (совершают преступление, как правило, один раз, в результате стечения обстоятельств, легкомыслия или неспособности выразить отказ);
- ситуативно-криминальный (совершение преступления происходит под влиянием способствующих тому обстоятельств, ему предшествуют различные девиации);
- последовательно криминальный (преимущественно планируется совершение преступления, несовершеннолетние имеют устойчивое противоправное поведение) [21].

Подобной классификации придерживается М. В. Лифанова, выделившая ситуативный, неустойчивый и опасный типы несовершеннолетних преступников [9]. Е. В. Пономарева, Н. А. Батраченко провели исследование нервно-психического здоровья подростков, находящихся на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Ими получены результаты, свидетельствующие о том, что для 12 % лиц характерны расстройства личности (психопатии), для 50 % – акцентуации характера. Процент акцентуированных личностей распределился следующим образом: 60 % несовершеннолетних свойственна акцентуация по неустойчивому типу; 20 % – по гипертимному типу. Наиболее яркими чертами указанных типов являются сниженный самоконтроль, эмоциональная лабильность, «отсутствие тормозов», чрезмерная подвижность, неустойчивость мотивов, целей и ценностей [13].

М. В. Шайкова выделила особенности мотивации преступного поведения несовершеннолетних:

- доминирование инфантильных мотивов совершения преступлений, вызванных стремлением удовлетворить любопытство, самоутвердиться, завоевать авторитет среди сверстников, «быть крутым» и пр.;
- преимущественная ситуативность при совершении преступления;
- наличие нарушений того или иного элемента мотивационно-потребностной сферы [19].

По мере взросления мотивационная сфера личности претерпевает серьезные изменения и на смену «детским» мотивам приходят мотивы, которые отражают осознанный конфликт между правонарушителем и социумом. Нарушения в ценностно-смысловой и мотивационных сферах, с одной стороны, выражают снижение интереса к учебной и профессиональной деятельности, а с другой – отражают повышенное влечение к отдыху, проведению досуга, обладанию модными аксессуарами. Досуг нередко включает в себя употребление алкогольных и наркотических средств. Совершаемые правонарушения часто направлены на удовлетворение гипертрофированных досуговых потребностей и интересов.

Вовлечение несовершеннолетнего в преступление осуществляется дееспособным лицом посредством активных действий, направленных на формирование у несовершеннолетнего желания его совершить. Активные действия включают в себя различные формы психологического воздействия, избираемые дееспособным лицом в зависимости от индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних. Анализ личностных особенностей несовершеннолетних, вовлекаемых в преступление, позволяет выработать наиболее эффективные превентивные меры групповой и индивидуальной

воспитательной работы, формы, методы и способы психологической коррекции, обеспечивающие снижение вероятности повторного совершения преступных деяний и исправление несовершеннолетнего, возвращение просоциальной направленности его деятельности.

Эмпирическое исследование было проведено нами в период с 2018 по 2022 год на базе Шекснинского специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (Вологодская область), Сланцевского специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (Ленинградская область), Колпинской воспитательной колонии УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по Пермскому краю, Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центра социальной адаптации несовершеннолетних имени Святителя Василия Великого. В исследовании приняли участие 103 несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления.

Усредненный профиль личности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления, изученный при помощи методики СМИЛ Л. Н. Собчик [16], находится в диапазоне от 31 до 72,7 Т-балла (код профиля по Уэлшу: 8/4:6:1:2:9:7:3:5#0#F-K/L:) с ведущими шкалами:

- «индивидуалистичность» (8-я шкала СМИЛ, $66 \pm 21,8$ Т-балла);
- «импульсивность» (4-я шкала СМИЛ, 60 ± 18 Т-баллов);
- «ригидность» (6-я шкала СМИЛ, $59,5 \pm 17,4$ Т-балла);
- «пессимистичность» (2-я шкала СМИЛ, $58,9 \pm 11$ Т-баллов);
- «невротический сверхконтроль» (1-я шкала СМИЛ, $58,9 \pm 10,9$ Т-балла), который отражает смешанный тип реагирования и проблему подавленной враждебности.

Невысокие значения по шкале лжи «L» (49 ± 7 Т-баллов) и коррекции «K» ($51 \pm 6,9$ Т-балла) свидетельствуют о том, что обследуемые не стремятся приукрасить свой характер, при этом демонстрируют защитную реакцию на диагностическую ситуацию и желание повлиять на качество результатов. Подъем по шкале достоверности «F» ($72,7 \pm 13$ Т-балла) отражает состояние эмоционального дискомфорта, напряжения, внутренней дисгармонии (ощущение несчастливости), стремление привлечь к себе внимание с целью получения сочувствия и поддержки, а также их неуверенность в позитивном к себе отношении со стороны окружающих. Несоответствие представлений несовершеннолетнего об оценке окружающими его личности и реальной оценкой ими его личности способствует возникновению противоречий с социальной средой, проявлениям негативизма, что может приводить к различным отклонениям в поведении (рис.).

У 45 обследуемых (43,7 % от общей выборки) значения по шкале «невротический контроль» имеют вид акцентуации (77 ± 6 Т-баллов) и отражают сензитивно-тревожный тип личности, свидетельствуя о неадекватности самооценки, недостаточном общем самоконтроле, инфантильности, склонности избегать ответственности. Подобные результаты получены Г. К. Валицкас и Ю. Б. Гиппенрейтер, установившими, что именно стремление повысить самооценку и восстановить минимальный психологический комфорт является одной из движущих сил, определяющих вступление подростка на асоциальный путь развития [2]. Эмоциональная сфера при сочетанном подъеме 1-й, 2-й и 3-й шкал отличается лабильностью и противоречивостью (столкновением сдержанной пассивности с раздражительностью и демонстративностью), что увеличивает риск психосоматического варианта дезадаптации (предиспозиции к гастроэнтерологическим заболеваниям).

Усредненный профиль личностных особенностей
несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления

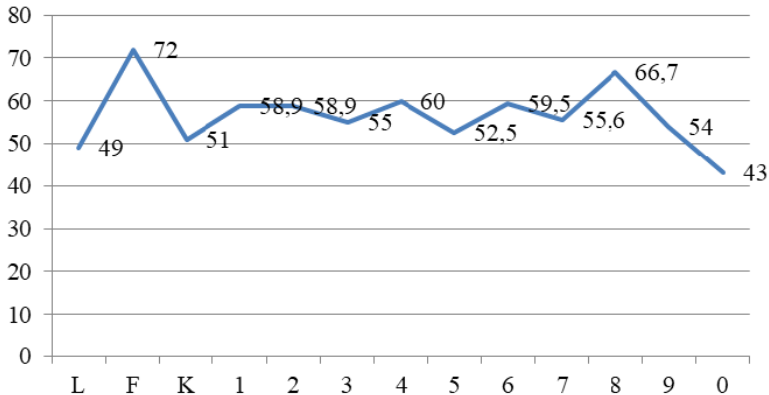

Рис. Усредненный профиль личностных особенностей несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления.

Условные обозначения: L – шкала лжи; F – шкала лжи; K – шкала коррекции;
1 – «невротический сверхконтроль»; 2 – «пассивность»; 3 – «демонстративность»;
4 – «импульсивность»; 5 – «мужественность-женственность»; 6 – «ригидность»;
7 – «тревожность»; 8 – «индивидуалистичность»;
9 – «оптимизм»; 0 – «социальная интроверсия».

У 25 несовершеннолетних (25,2 % от общей выборки) значения по 2-й, 3-й и 8-й шкалам находятся на уровне выше 55 Т-баллов, что характеризует их как лиц пессимистичных, эмоционально незрелых, зависимых от авторитетной личности, с выраженным индивидуализмом в выборе друзей и сферы интересов и плохой социальной приспособляемостью. Данный факт совпадает с исследованиями А. А. Федониной, которая установила, что личностная незрелость несовершеннолетнего правонарушителя оказывает влияние на его потенциальную способность и актуальную возможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий в виде снижения волевой регуляции деятельности [18].

У 56 обследуемых (54,4 % от общей выборки) низкие показатели 9-й шкалы (менее 35 Т-баллов) в невротоподобных профилях указывают на повышенную утомляемость, астенический тип реагирования с депрессивными переживаниями, трудности адаптации, мотивацию избегания неуспеха, а также тенденцию полагаться в решении проблем на волю случая, действия других людей или ситуативных факторов. По мнению А. А. Реана, «рассмотрение ситуативных факторов в качестве основных причин, детерминант (а не модуляторов) делинквентного поведения логически приводит к снятию ответственности с личности за такое поведение» [15, с. 107]. К ситуативным факторам, способствующим криминальному поведению, относят: обнаружение оставленных без присмотра вещей, виктимное поведение жертвы, неспособность выразить отказ от совершения противоправных действий при вовлечении в них и др.

У 43 несовершеннолетних (41,8 % от общей выборки) выявлены низкие показатели (менее 35 Т-баллов) 0-й шкалы (социальная интроверсия), которые сочетаются с повышенными значениями по 1-й ($58,9 \pm 10,9$ Т-балла) и 3-й ($55 \pm 10,2$ Т-балла) шкалам. Это

свидетельствует об их общительности, эмоциональной незрелости, непринужденности в выставлении напоказ своих характерологических особенностей, снисходительности к собственным недостаткам и отвержении социальных норм.

Представления несовершеннолетних о собственном будущем изучены при помощи проективной психодиагностической методики «Неоконченные предложения», разработанной А. М. Прихожан, используемой в объеме, требуемом для достижения цели исследования (блоки неоконченных предложений «Я хочу», «Я не хочу») [14], опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [17]. Анализ ответов, демонстрируемых несовершеннолетними в рамках методики «Неоконченные предложения», проведен в аспекте, характеризующем вероятность совершения преступлений в будущем.

В ответах 24 несовершеннолетних (23,3 % от общей выборки) представлены фразы, предполагающие совершение противоправных деяний в будущем. Респонденты как открыто, так и косвенно указывают на стремление продолжать противоправные действия. У 46 респондентов (44,7 % от общей выборки) фразы относительно собственного будущего имеют просоциальный характер: несовершеннолетние отмечают желание получить профессию, стать родителями, восстановить права на жилье и т. д. 30 опрошенных (32 % от общей выборки) не определились с планами на будущее, и их ответы сосредоточены в ближайшем времени, не связаны с организацией жизнедеятельности в будущем.

Корреляционные связи между личностными особенностями несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления, и представлениями о собственном будущем отражены в таблице 1.

Таблица 1

Структура корреляционных связей личностных особенностей и временной перспективы

	D	Pd	Pf	Sc	Ma
Будущее		- 0,37		0,58	0,61
Позитивное прошлое				0,38	
Негативное прошлое	0,56	0,44	0,39		
Гедонистическое настоящее		0,46			
Фаталистическое настоящее	0,49	0,41			

Анализ результатов, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что негативно оценивают собственное прошлое несовершеннолетние с депрессивными ($r = 0,56$), импульсивными ($r = 0,44$) и тревожными ($r = 0,39$) личностными особенностями: они подчеркивают неприятие по отношению к прошедшим событиям и желание изменить их, уверены в том, что в прошлом стечение обстоятельств отрицательно сказалось на организации их жизнедеятельности и привело к помещению в воспитательное учреждение.

Несовершеннолетние с ведущими депрессивными личностными особенностями отличаются повышенной ответственностью, что обуславливает формирование чувства вины и высокий уровень самокритики. Они резко негативно воспринимают себя в прошлом. При выраженных тревожных личностных особенностях несовершеннолетним свойственно демонстративное подчеркивание своего критичного восприятия собственного прошлого. Ведущие импульсивные личностные особенности обуславливают негатив

по отношению к прошлому как результат действия защитных механизмов и стремления сохранить высокий уровень самооценки. Им свойственно также отсутствие связи настоящего как с прошлым, так и с будущим ($r = 0,46$). Оценивать собственное поведение во временном аспекте они не стремятся.

Респонденты с оптимистичными ($r = 0,61$) и индивидуалистичными ($r = 0,58$) личностными особенностями демонстрируют выраженность целей и планов относительно собственного будущего. При этом первые уверены в том, что оно не будет связано с трудностями и повторением правонарушений, а в случае возникновения каких-либо проблем они будут успешно решены собственными силами. Последние в силу несформированных представлений о реальности, повышенной мечтательности демонстрируют, скорее, фантазийные представления. Примечательно, что исследователями Е. В. Мельник и Ю. В. Могилевской ранее были получены подобные результаты и установлено, что искаженные представления о будущем связаны со стрессом, дезадаптацией и воздействием защитных механизмов [10].

Позитивное восприятие собственного прошлого связано с индивидуалистичными ($r = 0,38$) личностными особенностями, как и в случае позитивного восприятия будущего, связано с отрывом от реальности. И. Б. Балюкова и А. А. Лукашова подчеркивают, что указанные тенденции свойственны большинству подростков с отклоняющимся поведением: они не застревают на собственном прошлом, предпочитают игнорировать большинство негативных воспоминаний, что обуславливает наличие только позитивных, теплых воспоминаний [1].

Отношение к своему настоящему как данному свыше, не зависящему от воли субъекта, свойственно несовершеннолетним с депрессивными ($r = 0,49$) и импульсивными ($r = 0,41$) личностными особенностями. Для обеих категорий лиц это в первую очередь обеспечивает поддержание самооценки. Кроме того, лица с депрессивными личностными особенностями склонны озвучивать подобные мысли в целях поиска поддержки, внимания и понимания, а ведущие импульсивные особенности обуславливают склонность жить настоящим моментом, не обращаясь ни к своему прошлому, ни к будущему.

Склонность к отклоняющемуся поведению изучена с использованием одноименной методики А. Н. Орла [5]. В ходе проведенного анализа установлено, что несовершеннолетние демонстрируют наличие в различной степени склонности к представленным в методике видам отклоняющегося поведения:

- преодоление норм и правил ($52,5 \pm 9,7$);
- аддиктивное поведение ($56,3 \pm 3,9$);
- самоповреждающее, саморазрушающее поведение ($55,5 \pm 7,8$);
- делинквентное поведение ($61,6 \pm 11$);
- агрессия и насилие ($52,5 \pm 8,5$);
- сопутствующее сниженному контролю эмоциональных реакций ($61,4 \pm 11,5$).

Данные, полученные при обработке служебной шкалы установки на социальную желательность (44 ± 6), свидетельствуют о низкой и умеренной склонности обследуемых к даче социально-желательных ответов, что позволяет интерпретировать полученные результаты и использовать их для дальнейшего анализа.

В результате корреляционного анализа установлен ряд связей, свидетельствующих о влиянии личностных особенностей на склонность к отклоняющемуся поведению (табл. 2).

Таблица 2

**Структура корреляционных связей личностных особенностей
и склонности к отклоняющемуся поведению**

	D	Hу	Pd	Mf	Pa	Pf	Sc	Ma	Si
Склонность к аддиктивному поведению					0,27	0,26	0,28	0,27	
Склонность к агрессии и насилию	0,27	0,25	0,33	0,33	0,35	0,35	0,38	0,33	
Склонность к волевому контролю эмоциональных реакций		0,26	0,37	0,33	0,35	0,39	0,35	0,39	0,29
Склонность к делинквентному поведению		0,25	0,37	0,33	0,35	0,37	0,35	0,39	0,29

Анализ результатов, представленных в таблице 2, позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетним с депрессивными личностными особенностями (2-я шкала, «D») свойственна выраженная склонность к агрессии и насилию, что на первый взгляд вызывает достаточно противоречивое отношение. Однако внимательное изучение описания шкалы, представленного Л. Н. Собчик, дает возможность заключить, что агрессия и насилие по отношению к окружающим позволяют стабилизировать самооценку, низкий уровень которой является личностным свойством. Агрессия воспринимается как способ выхода из фрустрирующей ситуации и быстрого решения проблем в социальной среде.

Наличие склонности к агрессии и насилию выявлено у ряда несовершеннолетних с иными ведущими шкалами СМИЛ, что, по нашему мнению, может быть связано:

– с демонстративными личностными особенностями (шкала 3, «Hу») – тенденцией к признанию и положительной оценке со стороны окружающих, что позволяет использовать агрессию к определенным лицам как способ достижения особого социального статуса ($r = 0,27$);

– психопатийными личностными особенностями (шкала 4, «Pd») – преобладанием спонтанности, несдержанности и вспыльчивости в поведении и пренебрежением общепринятыми нормами и правилами, ($r = 0,25$);

– женственными личностными особенностями (5-я шкала, «Mf») – тенденцией сокрытия от окружающих, среди которых преобладающее число подростков с ненормативным поведением, своей «женской» природы, чувствительности, сентиментальности. Не исключено, что проявления агрессии в противоречие собственного характера приводят к последующим переживаниям, провоцируя дестабилизацию эмоционального состояния, ($r = 0,33$);

– паранойяльными личностными особенностями (6-я шкала, «Pa») – повышенной подозрительностью и чувством соперничества, преувеличением враждебности по отношению к ним ($r = 0,33$);

– тревожными личностными особенностями (7-я шкала, Pf) – глубокой потребностью в одобрении собственной личности и поведения со стороны окружающих: агрессия в среде подростков обеспечивает максимально быстрое завоевание положительного мнения, оцениванию как бесстрашного, но представляющего угрозу, в связи с чем окружающие подростки могут стремиться не вступать в конфликты с данной личностью ($r = 0,35$);

– индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc) – отсутствием эмоциональной привязанности к окружающим, позволяющей при определенных условиях совершать акты насилия и агрессии по отношению к ним ($r = 0,38$);

– оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma) – пренебрежением и раздражительностью в отношении других, рискованностью как личностным свойством, а также уверенностью в собственном преимуществе над кем-либо ($r = 0,33$).

Для всех перечисленных лиц, за исключением представителей ведущей депрессивной шкалы, свойствен сниженный эмоциональный контроль, что позволяет проявлять акты агрессии и насилия под влиянием ситуационных факторов. Склонность к аддиктивному поведению демонстрируют несовершеннолетние:

- с паранойяльными личностными особенностями (6-я шкала, Pa; $r = 0,27$);
- тревожными личностными особенностями (7-я шкала, Pf; $r = 0,26$);
- индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc; $r = 0,28$);
- оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma; $r = 0,27$).

Указанных лиц объединяет стремление к уходу от реальности, одним из способов которого является изменение собственного психического состояния. Решение личностных проблем, ориентация на чувственную сторону жизни обуславливают возникновение у них склонности к аддиктивному поведению.

Склонность к делинквентному поведению несовершеннолетних в рамках данной методики представляет собой наличие «делинквентного потенциала», реализуемого несовершеннолетним при определенных жизненных обстоятельствах и недостаточном социальном контроле. А. Н. Орел в описании психодиагностического инструмента указывает на важность ситуативных факторов в совершении правонарушения. Иными словами, определенная совокупность «делинквентных» личностных характеристик может проявляться у ряда несовершеннолетних, однако к совершению преступления она приводит лишь под воздействием жизненной ситуации.

Субъективное ощущение одиночества у несовершеннолетних изучено нами при помощи одноименной методики Д. Рассела, М. Фергюсона. Структура корреляционных связей личностных особенностей и субъективного ощущения одиночества представлена в таблице 3.

Из данных таблицы 3 видно, что ощущение одиночества у несовершеннолетних с повышенными показателями по шкале демонстративности (3-я шкала, «Ну»; $r = 0,27$) может быть связано с внутренней потребностью находиться в центре внимания и поверхностностью в социальных связях, что при попадании в ситуации вне внимания окружающих приводит к переживаниям относительно значимости своей личности в референтной группе. Как указывает Л. Н. Собчик, при возникновении подобных экзистенциальных переживаний несовершеннолетние склонны демонстрировать нестандартные модели поведения, что в совокупности со склонностью к делинквентному поведению может приводить к выбору данной поведенческой модели [16].

Таблица 3

**Структура корреляционных связей личностных особенностей
и субъективного ощущения одиночества**

	Hу	Pd	Pa	Sc	Ma
Субъективное ощущение одиночества	0,27	0,31	0,32	0,30	0,31

Несовершеннолетние с импульсивными личностными особенностями (4-я шкала, «Pd»; $r = 0,31$) могут обращаться к размышлениям о собственном одиночестве ввиду

повышенного эгоцентризма и стремления к доминированию. Неудовлетворение потребности в восхвалении и подражании может приводить к острому чувству собственной ненужности, предвещающему ощущение одиночества.

Ригидность среди ведущих шкал (6-я шкала, «Pa»; $r = 0,27$) характеризуется стремлением к организации людей за собой, регулированию созданных организованных групп, однако постепенное накопление негативных эмоций, злопамятство и упрямство не позволяют несовершеннолетним приобрести тот статус, к которому они стремятся. Вероятно, это и выступает в качестве фактора, способствующего развитию субъективного ощущения одиночества.

Ощущение одиночества лицами с индивидуалистическими личностными особенностями (8-я шкала, «Sc»; $r = 0,30$) может быть результатом ограниченных эмоциональных проявлений по отношению к окружающим, подавления собственных чувств и повышенной тревожности в совокупности с уязвленным самолюбием и индифферентным отношением к жизни вплоть до негативного (вызывающего состояние несчастья и обреченности).

Несовершеннолетние с оптимистическими личностными особенностями (9-я шкала, «Ma»; $r = 0,27$), обладая поверхностным отношением к окружающим, пренебрежением их чувствами и конфликтностью в совокупности с отсутствием обид, не всегда способны к установлению дружеских или хотя бы доверительных социальных контактов, что не обеспечивает их желание пребывать в центре внимания. Указанные характеристики могут приводить к субъективному ощущению одиночества.

Потребность в ощущениях у несовершеннолетних изучена нами при помощи шкалы поиска ощущений М. Цукермана [20]. Отметим, что согласно описанию методики, представленному автором, высокий уровень развития потребности в ощущениях может способствовать позволяющим его удовлетворить проявлениям асоциального и противоправного поведения. В результате корреляционного анализа установлен ряд связей, свидетельствующих о влиянии личностных особенностей на потребность в ощущениях (табл. 4).

Анализ результатов, представленных в таблице 4, позволяет сделать вывод о том, что потребность в ощущениях у несовершеннолетних с депрессивными личностными особенностями (2-я шкала, «D»; $r = 0,30$) может являться результатом внешнего воздействия социально значимых лиц, поскольку характеристика личности представлена преимущественно пассивной жизненной позицией, которая может искусственно маскироваться при желании поддерживать определенный достигнутый социальный статус.

Таблица 4

Структура корреляционных связей личностных особенностей и потребности в ощущениях

	D	Pd	Pa	Pf	Sc	Ma
Потребность в ощущениях	0,30	0,28	0,31	0,29	0,29	0,26

Ведущие показатели по шкале импульсивности (4-я шкала, «Pd»; $r = 0,28$), и ригидности (6-я шкала, «Pa»; $r = 0,31$), характеризующие личность как склонную к раскованности и спонтанности при пренебрежении социальными нормами, способствуют развитию высокого уровня потребности в ощущениях.

Потребность в ощущениях может быть связана со стремлением к получению социального одобрения при ведущих тревожных личностных особенностях (7-я шкала,

«Pf»; $r = 29$), оторванностью от реальности и склонностью к выдвижению новых идей и подходов (8-я шкала, Sc; $r = 29$), беззаботностью, высоким уровнем жизненного тонуса и активности при оптимистичных личностных особенностях (9-я шкала, Ma).

Основываясь на результатах проведенного нами исследования, полагаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Вовлечение в преступную деятельность связано с такими личностными особенностями несовершеннолетних, как отрицание общепринятых норм и правил, решительность, высокий волевой контроль, выраженная склонность к автономии и низкая потребность в одобрении общества, оторванность от реальности, ощущение одиночества.

2. Сформированная потребность в экстремальных ощущениях, бесконтрольное влечение к необычным, новым впечатлениям, отсутствие цели в жизни при высоком уровне агрессии, насилия по отношению к окружающим определяют раскрытие делинквентного потенциала, обуславливающего податливость при преступном воздействии взрослого.

3. Сложности в планировании будущего, вызванные неспособностью эффективно адаптироваться к новым условиям и неудовлетворенностью жизненных потребностей, несформированность представлений о будущем, выявленные у несовершеннолетних, приводят к неспособности ставить и достигать цели, дезорганизации, неэффективности деятельности и искажению идентичности, что способствует уязвимости при вовлечении в преступную деятельность.

4. Отрыв от реального оценивания событий прошлого и будущего, повышенная мечтательность, уход от реальности не позволяют реально воспринимать свое будущее, дают несовершеннолетнему возможность фантазировать и ставить грандиозные цели. Событие правонарушения в индивидуальных беседах игнорируется либо объясняется субъектом независимостью от него и его ресурсов.

Список источников

1. Балюкова И. Б., Лукашова А. А. Жизненные перспективы подростков с девиантным поведением // Психолого-педагогические проблемы девиантного поведения личности: исследования, профилактика, преодоление : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Псков, 2020. С. 15–21.

2. Валицкас Г. К. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 45–55.

3. Гаврилов С. Т., Бородкина Т. А. Факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних в России // Территория науки. 2015. № 5. С. 156–158.

4. Заурова Э. В. Отношение несовершеннолетних осужденных женского пола к поведению и методам воспитания родителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 3(78). С. 300–305.

5. Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения. М. : Сфера, 2004. 191 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2018. Т. 1 : Общая часть. 316 с.

7. Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.

8. Лебедев А. В. Оценка нервно-психического состояния подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних // Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних / под ред. С. А. Беличевой. Тюмень : ТГУ, 1985. С. 47–58.

9. Лифанова М. В. Типология несовершеннолетних преступников // Вестник восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2018. № 1(93). С. 57–65.

10. Мельник Е. В., Могилевская Ю. В. Психологическое содержание мечты у подростков и юношей // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Междунар. науч. конф. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 312–314.

11. Морозов А. В. Коррекционно-профилактические аспекты делинквентного и девиантного поведения несовершеннолетних // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 4(17). С. 4–11.

12. Морозов А. В. Психология аномальных социальных проявлений в современном обществе как дефект правосознания // Юридическая психология. 2006. № 1. С. 10–14.

13. Пономарева Е. В., Батраченко Н. А. Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 1(4). С. 78–80.

14. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М. : АНО «ПЭБ», 2007. 56 с.

15. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. 2015. № 4(20). С. 105–110.

16. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ. СПб. : Речь, 2000. 219 с.

17. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 101–109.

18. Федонкина А. А. Личностная незрелость несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального личностного развития : дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 156 с.

19. Шайкова М. В. Психологические технологии и стратегии работы социального психолога в школе // Педагогическое образование университетского типа: культурные традиции, современное состояние, взгляд в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2013. С. 285–288.

20. Шкала поиска ощущений (М. Цукерман) // Альманах психологических тестов. М., 1995. С. 187–189.

21. Яблоков Н. П. Криминалистика. М. : Юрайт, 2017. 239 с.

22. Burt, C. H., Simons, R. L. & Gibbons, F. X. 2012, 'Racial discrimination, ethnic-racial socialization, and crime: a micro-sociological model of risk and resilience', *American Sociological Review*, vol. 77, iss. 4, pp. 648–677.

23. Cicerali, L. & Cicerali, E. 2018, 'Parental influences on youth delinquency', *Journal of Criminal Psychology*, vol. 8, iss. 2, pp. 138–149.

24. Finkelhor, D. 2007, 'Developmental victimology, the comprehensive study of child victimization', in R. C. Davis, A. J. Luirigio, S. Herman (eds), *Victims of Crime*, pp. 9–34, Sage Publications, Thousand Oaks, CA.

25. Gottfredson, M. R. & Hirschi, T. A 1990, *General Theory of Crime*, University Press, Stanford.

26. Hill, J. M., Blokland, A. A. J. & Van der Geest V. R. 2018, 'Risk factors for self-reported delinquency in emerging adulthood', *European journal of criminology*, Netherlands.

27. McGuire, J. 2004, *Understanding Psychology and Crime: Perspectives on Theory and Action*, Open University Press, Berkshire.

28. Thornberry, T. P., Lizotte, A. J., Krohn, M. D., Smith, C. A. & Porter, P. K. 2003, 'Causes and Consequences of Delinquency', in *Taking Stock of Delinquency, Longitudinal Research in the Social and Behavioral Sciences*, Springer, Boston.

References

1. Baljukova, I. B. & Lukashova, A. A. 2020, 'Life prospects of adolescents with deviant behavior', in *Psychological and pedagogical problems of deviant personality behavior: research, prevention, overcoming: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 15–21, Pskov.
2. Valickas, G. K. 1989, 'Self-esteem in juvenile offenders', *Psychology issues*, iss. 1, pp. 45–55.
3. Gavrilov, S. T. & Borodkina, T. A. 2015, 'Factors influencing juvenile delinquency in Russia', *Territory of Science*, iss. 5, pp. 156–158.
4. Zautorova, Je. V. 2019, 'The attitude of female juvenile convicts to the behavior and methods of parenting', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, vol. 24, iss. 3(78), pp. 300–305.
5. Klejberg, Ju. A. 2004, *Social psychology of deviant behavior*, Sphere, Moscow.
6. Lebedev, V. M. (ed.) 2018, *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*, in 4 vols, vol. 1, General Part, Yurayt, Moscow.
7. Korolev, Ju. A. 2000, 'Family as a subject of Law', *Journal of Russian Law*, iss. 10, pp. 61–66.
8. Lebedev, A. V. 1985, 'Assessment of the neuropsychic state of adolescents registered with the Juvenile Affairs Inspectorate', in S. A. Belicheva (ed.), *Psychology and Prevention of antisocial behavior of minors*, pp. 47–58, TGU, Tjumen.
9. Lifanova, M. V. 2018, 'Typology of juvenile delinquents', *Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy*, iss. 1(93), pp. 57–65.
10. Mel'nik, E. V. & Mogilevskaja, Ju. V. 2020, 'Psychological content of dreams in adolescents and young men', in S. V. Bupalova (ed.), *Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Modernity: Proceedings of the V International Scientific Conference*, pp. 312–314, Doneck.
11. Morozov, A. V. 2017, 'Correctional and preventive aspects of delinquent and deviant behavior of minors', *Issues of mental health of children and adolescents*, iss. 4(17), pp. 4–11.
12. Morozov, A. V. 2006, 'Psychology of abnormal social manifestations in modern society as a defect of legal consciousness', *Legal Psychology*, iss. 1, pp. 10–14.
13. Ponomareva, E. V. & Batrachenko, N. A. 2015, 'Psychological characteristics of the personality of juvenile offenders', *Spiritual situation of the time, Russia XXI century*, iss. 1(4), pp. 78–80.
14. Prihozhan, A. M. 2007, *Diagnostics of personal development of adolescent children*, ANO «PEB», Moscow.
15. Rean, A. A. 2015, 'Risk factors of deviant behavior: Family context', *National Psychological Journal*, iss. 4(20), pp. 105–110.
16. Sobchik, L. N. 2000, *Standardized multifactorial method of personality research SMIL*, Speech, St. Petersburg.
17. 'Adaptation of the questionnaire of the time perspective of the personality of F. Zimbardo' 2008, *Psychological Journal*, vol. 29, iss. 3, pp. 101–109.
18. Fedonkina, A. A. 2019, *Personal immaturity of juvenile offenders within the framework of normal and abnormal personal development: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
19. Shajkova, M. V. 2013, 'Psychological technologies and strategies of work of a social psychologist at school', in *Pedagogical education of university type: cultural traditions, current*

state, a look into the future: materials of the International Scientific and Practical Conference, pp. 285–288, Rostov-on-Don.

20. 'Sensation Search scale (M. Cukerman)' 1995, in *Almanac of psychological tests*, pp. 187–189, Moscow.

21. Jablovkov, N. P. 2017, *Criminalistics*, Yurayt, Moscow.

22. Burt, C. H., Simons, R. L. & Gibbons, F. X. 2012, 'Racial discrimination, ethnic-racial socialization, and crime: a micro-sociological model of risk and resilience', *American Sociological Review*, vol. 77, iss. 4, pp. 648–677.

23. Cicerali, L. & Cicerali, E. 2018, 'Parental influences on youth delinquency', *Journal of Criminal Psychology*, vol. 8, iss. 2, pp. 138–149.

24. Finkelhor, D. 2007, 'Developmental victimology, the comprehensive study of child victimization', in R. C. Davis, A. J. Luirigio, S. Herman (eds), *Victims of Crime*, pp. 9–34, Sage Publications, Thousand Oaks, CA.

25. Gottfredson, M. R. & Hirschi, T. A 1990, *General Theory of Crime*, University Press, Stanford.

26. Hill, J. M., Blokland, A. A. J. & Van der Geest V. R. 2018, 'Risk factors for self-reported delinquency in emerging adulthood', *European journal of criminology*, Netherlands.

27. McGuire, J. 2004, *Understanding Psychology and Crime: Perspectives on Theory and Action*, Open University Press, Berkshire.

28. Thornberry, T. P., Lizotte, A. J., Krohn, M. D., Smith, C. A. & Porter, P. K. 2003, 'Causes and Consequences of Delinquency', in *Taking Stock of Delinquency, Longitudinal Research in the Social and Behavioral Sciences*, Springer, Boston.

Информация об авторах

Е. И. Ильянкova – старший преподаватель-методист методического отдела управления учебно-методической работы;

А. В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about the authors

E. I. Ilyankova – старший преподаватель-методист методического отдела управления учебно-методической работы;

A. V. Morozov – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 21.11.2023.